

ХЕТТСКИЕ ЗАКОНЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПЯТИКНИЖИЯ.

Три четверти века тому назад поразительные открытия в холмах Куюнджика и Хорсабада, совершенные Лейардом и Ботта, и последовавшее затем гениальное открытие Раулинсона, дешифровавшего ассиро-вавилонское клинообразное письмо, стали началом новой эпохи в области изучения истории азиатского древнего востока. Последующие открытия и основанные на них исследования перевернули все прежние традиционные взгляды на историю Вавилонии и Ассирии, унаследованные от Библии и Геродота; создалась новая наука, ассириология, в которой, как в египтологии, соединяются задачи лингвистики, археологии и истории. Ассириология заставила произвести переоценку ценностей не только в своей собственной области, но также и в области изучения других культур; иногда увлекаясь, но всегда с фактами в руках, она доказывала, что вавилонская культура была могущественным фактором и в Сирии, и в Палестине, и в древнейших областях эллинского мира; особенно энергично ассириология занималась вопросом о вавилонском влиянии в Библии, так что последнее десятилетие XIX века и первое десятилетие XX века с известным правом можно было бы назвать эпохой спора о *Babel und Bibel*. Увлечения и преувеличения, конечно, скоро отпали; но в качестве прочного завоевания новой научной дисциплины остался тот общепризнанный теперь факт, что в лице социально-политического организма Двуречья перед нами стоит такая мощная и всеобъемлющая по своему экономическому и культурному влиянию величина древнего Востока, какую мы можем сравнить, *mutatis mutandis*, лишь с современной Англией или довоенной Германией.

Однако описанные открытия не осветили одинаковым светом все страны древнего азиатского востока. Между Двуречьем, Сирией и Палестиной с одной стороны и областью эллинского мира с другой стороны осталась большая темная область — Малая Азия. Теперь это скудная и бедно населенная страна, с тяжелым климатом, с трудными условиями рельефа поверхности, мало посещаемая европейцами и мало им известная. Ни коммерческие круги, ни дипло

маты долго ею не интересовались; не возбуждала она особого интереса и у историков, так как кроме рассказа Геродота о легендарном царе Крезе и о гибели его царства под ударами Кира, древняя традиция почти не сохранила никаких сведений о далеком прошлом этой страны. Ассирийские походы также мало задевали Малую Азию, касаясь лишь восточных ее окраин, прилегающих к Двуречью. Казалось, что и за 2000 лет до Р. Х., как 2000 лет спустя по Р. Х., Малая Азия была такой же бедной, незначительной, малоизвестной и мало посещаемой страной и что мрак, который ее окутывал, происходил не оттого, что наука еще не открыла ее памятников, но оттого, что там вообще не могло быть никаких крупных культурных центров.

Однако этот мрак оказался обманчивым. Последнее десятилетие принесло с собою по отношению к культурному прошлому Малой Азии такие же поразительные открытия, какие три четверти века назад были сделаны по отношению к прошлому Двуречья. Даже больше того: по отношению к Двуречью было все-таки известно, что там существовали мировые державы, и открытия только представили их в новом, правда, неожиданном свете; в Малой Азии наука даже и не подозревала существования того, что там было открыто. Хетты, о которых говорит теперь весь мир ориенталистов, о языке и памятниках которых идут теперь самые оживленные споры, были известны только как одни из многочисленных противников египетских фараонов в Сирии и ассирийских царей в той же Сирии и в восточных окраинах Малой Азии. Никто не подозревал, что это были носители крупной и влиятельной культуры, и что „хеттский вопрос“ прольет свет на древнейшие миграции индоевропейцев из Европы в Азию.

Поворотным пунктом в области хеттского вопроса были раскопки знаменитого ассириолога Гуго Винклера в центре хеттского царства, близ теперешней деревушки Богаз-Кеоя (150 километров к востоку от Ангоры), произведенные им в 1906 — 1907 годах. Экспедиция, предпринятая Винклером ради этих раскопок, несомненно, значительно сократила его жизнь: его слабое здоровье окончательно пошатнулось после тех трудов и испытаний, какие пришлось ему вынести в негостеприимном сердце Малой Азии ¹⁾, и он умер в апреле 1913 года, не дождавшись выяснения результатов своих открытий ²⁾. Жертва, однако, была принесена не даром; и если бы в научном активе Винклера не было ничего другого, кроме раскопок в Богаз-Кеое, этого было бы достаточно, чтобы увековечить его имя в науке. До Вин-

¹⁾ Ср. посмертный фрагмент „Nach Boghasköi“

²⁾ Первая публикация появилась в 1912 г.

клера было известно, что центр хеттского царства надо искать где-то внутри Малой Азии; но памятники хеттской культуры были найдены главным образом в сирийской провинции хеттской державы, особенно при раскопках близ Сенджирли. Рельефы бытового и религиозного содержания, с изображениями характерных фигур хеттов и их божеств, и несколько надписей загадочными иероглифическими письменами составляли однако слишком скудный и во многом непонятный материал, чтобы на основании его приходило к каким-либо решительным выводам. Единственным важным документом, относящимся к хеттам, был известный договор Рамзеса II с хеттским царем Хетазаром, как последний называется в египетской копии договора, начертанной на стене Рамессеума. Но и этот документ свидетельствовал лишь о том, что в эпоху Рамзеса II хеттское царство было сильной державой; однако язык хеттов, их социальный строй и культура оставались неизвестными величинами. Все огромное значение раскопок Винклера заключается именно в том, что они неожиданно дали богатый материал для уяснения всех этих неизвестных величин и одновременно с этим поставили перед наукой о древности ряд чрезвычайно важных, едва ли не основных вопросов ¹⁾.

Раскопки в Богаз-Кеое дали чрезвычайно разнообразный материал; но самое существенное приобретение заключалось в огромной массе документов самого разнообразного содержания и притом таких, которые в противоположность иероглифическим надписям, найденным в Сенджирли и в других пунктах Сирии, удалось дешифровать и использовать для научного исследования. Почти все документы богаз-кейоского архива написаны клинописью, часть — на аккадской ветви вавилонского наречия, часть — на сумерийском, и главная масса — на разнообразных местных наречиях. Среди документов, написанных на вавилонских наречиях, оказался также и договор Рамзеса II с хеттским царем, уже известный в египетской редакции; это была одна из первых находок Винклера, приведшая его в неописуемый восторг ²⁾; текст договора был опубликован вскоре после его открытия. Но публикация других текстов задержалась, так как сначала необходимо было хотя бы отчасти разрешить задачу дешифрования хеттского клинообразного письма. Силлабарии знаков на разных наречиях,

¹⁾ Русский читатель найдет обзор основных проблем, связанных с хеттской культурой, в сборнике „Хетты и хеттская культура“, под ред. И. Н. Бороздина.

²⁾ Ср. „Nach Boghasköi“, 30 — 31; „то было редкое совпадение в человеческой жизни, когда открытие, сделанное когда-то в Египте при первом вступлении на почву востока, теперь нашло свое подтверждение в сердце Малой Азии — чудесное, как сказочная судьба в 1001 ночи“.

найденные в Богаз-Кеое, облегчили и теперь, как ранее Раулинсону силлабарии ниневийской библиотеки, разрешение задачи; с другой стороны, для начала были привлечены, как и в прежних случаях, двуязычные документы. Первым пионером был неутомимый Фр. Делич; почти одновременно с ним стал работать в области хеттского языка венский ассириолог Грозный, который в 1915 году пришел к неожиданному заключению, что хеттский язык принадлежит к числу индоевропейских и близок к латинскому. Первоначальное недоверие, с которым отнеслись сначала к выводам Грозного, в настоящее время рассеялось, и к нему всецело присоединились также крупные ассириологи, как Циммерн, Унгнад и Форрер. Мало того, разработка вопросов, связанных с взаимоотношениями хеттских, или, точнее, малоазиатских наречий хеттской области привела к постановке чрезвычайно интересных и важных проблем, касающихся древнейших индоевропейских миграций. Проблемы эти, конечно, еще далеки от своего разрешения; но то, что уже выдвинуто, совершенно достаточно для того, чтобы показать всю значительность новой проблемы. Открытия в Богаз-Кеое не только осветили совершенно неожиданным светом Малую Азию, но также обещают найти путь к разрешению таких, казалось, неразрешимых вопросов, как критский, этрусский, и в огромной мере укрепляют позицию той группы антропологов и этнографов, которая ищет прародину арийцев в Европе.

Если в области этнического и лингвистического исследования хеттской проблемы работа идет все еще в процессе первых, хотя и глубоких разведок, то в области исследования социальных и религиозных моментов хеттской культуры можно теперь уже говорить более или менее определенно. В области религиозной богаз-кейоские раскопки дали целый ряд текстов самого разнообразного содержания; в области социальной в распоряжение исторической науки поступили записи хеттских законов. Эти записи и будут нас ближайшим образом интересовать в настоящей статье. Они написаны на канесийском языке, на котором написаны также и остальные деловые документы—царские указы, инструкции должностным лицам, кадастровые описи и др. Записи были найдены в нескольких редакциях, среди которых можно различать основную и последующие, являющиеся более подробными и ясными изложениями первой. В настоящее время, кроме оригинального текста, имеется также три перевода хеттских законов: два полных, немецкий Циммерна и Фридриха ¹⁾, и затем несколько позднее французский

¹⁾ Zimmern und Friedrich, „Hethitische Gesetze aus dem Staatsarchiv von Boghazköi“, в серии „Der alte Orient“, 1922.

Грозного ¹⁾, и немецкий перевод значительных отрывков Эбелинга ²⁾. В моем распоряжении были лишь полный немецкий перевод, снабженный специальным приложением (Nachtrag), в котором авторы перевода вносят ряд поправок в свое толкование на основании перевода Грозного ³⁾, а также извлечения в переводе Эбелинга.

Содержание законов очень разнообразно, хотя главное внимание они уделяют, в противоположность кодексу Хаммураби, не гражданским правоотношениям, но уголовному праву. Убийство, увечье, поранения, кражи разных категорий, поджог, содомия, скотоложство и изнасилование — вот на что обращено главным образом внимание хеттского законодателя. Но сквозь эти чисто уголовные постановления просвечивает, конечно, и социальная структура хеттского общества; сверх того, ей же специально посвящен целый ряд параграфов. Рабовладение, повинности, тарифы, организация военно-служилого сословия, семейное право регулируются также специальными постановлениями. Нередко при этом обнаруживаются очень близкие аналогии некоторых постановлений с соответствующими постановлениями кодекса Хаммураби и законодательных частей Пятикнижия. Тем самым ставится на очереди вопрос о взаимном влиянии: поскольку хеттские записи стоят хронологически (1300 год до Р. Х.) посередине между кодексом Хаммураби (2000—1900 г.) и древнейшими частями израильского законодательства (не ранее 900—800 г.), можно говорить о влиянии вавилонского права на хеттское и хеттского на израильское. Но с другой стороны в хеттских законах многое еще очень неясно. Вторая часть записей, найденная на 17 отдельных фрагментах, дошла до нас в очень плохом состоянии: в трех местах лакуны — целиком погиб ряд статей закона — и во многих из сохранившихся статей не хватает целых строк текста. Лучше сохранилась первая половина, где текст идет без пропусков, и выпали по большей части лишь отдельные слова; но здесь, как, впрочем, и во второй части, переводчики нередко останавливаются в нерешительности и недоумении, как передать тот или иной термин, впервые встре-

¹⁾ Hrozny, „Code Hittite“, I-re partie, Paris, 1922.

²⁾ Erich Ebeling, в 2-м изд. сборника Gressmann, „Altorientalische Texte und Bilder zum Alten Testament,“ 1926, В I, S. 423 — 431.

³⁾ Как видно из статьи проф. И. Н. Бороздина „Хеттские законы“ („Новый Восток“, 1923, кн. IV), московский проф. А. А. Захаров сделал с перевода Циммерна русский перевод; целый ряд постановлений дан в статье проф. И. Н. Бороздина из этого периода. Повидимому, профессор Захаров и проф. Бороздин имели в своем распоряжении лишь основной текст перевода Циммерна, без позднейшего Nachtrag, вышедшего после появления перевода Грозного, так как этот перевод в момент написания статьи проф. Бороздина лишь ожидался (стр. 293).

чающийся и не поддающийся еще точному толкованию ¹⁾. В будущем, когда будет разработана лексически и грамматически вся масса нового материала, мы получим, конечно, и более точную передачу памятника; теперь же существующая неопределенность в значительной степени суживает круг тех статей, которыми можно уже сейчас воспользоваться, как надежно истолкованным материалом.

Эти предварительные замечания показывают, как разнообразен и важен материал хеттских записей права и вместе с тем как еще трудно им пользоваться. Поэтому приходится ограничить задачи исследования и остановиться на двух вопросах. Первый имеет общее значение: выяснить, на какую социальную базу опиралась хеттская держава XIV — XIII века, обнаружившая свою силу и в распространении своего владычества на Сирию, Киликию и Тавр и в успешной борьбе с Египтом. Второй вопрос, имеющий известную связь с первым, более специального характера: разъяснить вопрос об аналогиях между постановлениями хеттского и древне-израильского законодательства, чтобы определить, можно ли здесь говорить о влиянии или заимствовании, или дело объясняется случайным сходством.

Уже выше мы указали, что хеттское законодательство и кодекс Хаммураби различаются в том отношении, что первое является по преимуществу записью уголовного права, а второй можно прямо назвать гражданским кодексом. Это различие нельзя, конечно, устранить посредством предположения, что рядом с этими односторонними кодексами существовали другие, их дополнявшие; наоборот, односторонность материала всегда является отличительной чертой ранних записей права. Фиксируется не все, что есть, что бытует, но то, что с точки зрения современных общественных требований является настоятельно необходимым. В этом случае известное направление в б о р а фиксируемого в записи материала чрезвычайно показательно: оно сразу дает возможность оценить степень хозяйственного и социального развития того общества, для нужд которого производится запись права. Кодекс Хаммураби занят больше всего отношениями, вытекающими из права собственности и товарообмена, и лишь вскользь останавливается на уголовных правонарушениях. Другими словами, для вавилонского общества эпохи Хаммураби вопрос об уголовных нарушениях — простой и само собой понятный вопрос, на нем долго останавливаться не приходится; гораздо важнее слож-

¹⁾ Например, перевод „жрецы“ Фридрих исправляет в приложении на „ткани“, „взять“ — на „отмерить“, „служба“ — на „очаг“ и т. д. Работа над истолкованием темных мест кодекса неутомимо продолжается; результаты ее особенно заметны в упомянутом уже переводе Эбелинга.

ные гражданские правоотношения, создающиеся на почве товарного хозяйства и приноровленной к последнему системы военной организации. Хеттская запись права отвечает на запросы установления элементарной охраны жизни, здоровья и собственности, без чего невозможно дальнейшее развитие по направлению к товарному хозяйству. Хеттское общество XIV века уже знает торговлю и наемный труд, но это еще новые, не укоренившиеся элементы; поэтому для него на первом плане, как для древних греческих и римских законодателей, уголовная репрессия, ее регулирование, превращение ее из частного дела мести в государственную функцию наказания и изъятия социально опасных элементов.

Ближайшее рассмотрение содержания хеттской записи только подтверждает это общее наблюдение. Возмещение и плата натурой преобладают в хеттских постановлениях, особенно в тех случаях, когда дело идет о наиболее важных преступлениях. Так, за убийство потерпевшим выдается определенное число „голов“ (вероятно рабов), различное в зависимости от социального положения и пола убитого. (I, 1—5)¹⁾; покража скота покрывается возмещением потерпевшему скотом той же породы, в различной пропорции, от тридцати — до двенадцатикратной, судя по важности украденного скота в хозяйстве (I, 58 и след.). Но рядом с этим есть уже в целом ряде статей расчет на серебро, а в конце второй части имеется ряд статей (II, 63—71), которые дают эквиваленты различных видов натуральных платежей в серебре²⁾. Переходный характер эпохи составленная запись совершенно недвусмысленно отмечен также в ней самой: в целом ряде статей говорится, что раньше полагалось так, а теперь иначе, при чем все штрафы и возмещения в этих случаях уменьшены против прежнего в два или полтора раза. Напрашивается опять-таки сравнение с кодексом Хаммураби, где натуральные платежи сохранены только в отношениях найма и аренды в сельском хозяйстве, все же прочее переведено на серебряный расчет.

Неудивительно поэтому, если по хеттскому законодательству оказывается, что преобладающее значение в хозяйственном быту имеют сельские промыслы. Торговля развита еще слабо; купец еще не очень заметная величина в хозяйстве страны, и за его убийство полагается штраф всего в 1½ мины серебра (I, 5),³⁾ в то время как за убийство вся-

¹⁾ Цитаты по системе нумерации, принятой в переводе Циммерна; при этом, когда цитируется вариант, то к номеру параграфа прибавляется литера v (напр., 46v).

²⁾ Ср. в Lex Saisa перевод стоимости большого и малого солида на быков.

³⁾ Эбелинг переводит „100 мин“, толкование, которое энергично отвергается Фридрихом и Циммерном (ср. S. 5, Anm. 6).

кого свободного платят 4 головы (рабов, I, 1). Города еще располагают значительным количеством земельных угодий, которые раздаются ленникам (I, 41, 47); другими словами, города являются еще военными поселениями в роде бургов или русских сторожевых городов южной московской границы: их жители называются иногда или воинами (I, 55), или ленниками (I, 56). Но рядом с этим заметно, что не только продукты сельского хозяйства, но и самая земля уже вышла на рынок. Сельское хозяйство расширилось за пределы элементарного хлебопашества; очень значительную роль играет уже плодоводство, продукты которого могли идти только на рынок. В то время как запись сравнительно мало занимается преступлениями, направленными к ущербу хлебного хозяйства, и устанавливает репрессию только за покражу зерна из амбара (I, 97—98) и за поджог чужого неснятого поля (II, 6), она, напротив, чрезвычайно много внимания уделяет борьбе с преступлениями, направленными к ущербу плодоводства. Она входит здесь в детализацию: устанавливает различные штрафы за покражу саженцев плодовых деревьев разного сорта или виноградных лоз, за их порчу, за поджог садов и виноградников, за покражу плодов и т. д. (II, 1—5, 7—13 и, быть может, еще несколько параграфов, следовавших за II, 14, но утраченных). При этом характерно, что репрессия не ограничивается только штрафом, но на виновного налагается также обязательство восстановить в натуре уничтоженное огнем или украденное, путем посадки новых деревьев или лоз (II, 3, 5). Эта внимательность записи к плодовому хозяйству чрезвычайно показательна: садовая культура находится под особым покровительством закона, и отсюда можно заключить, что эта культура — новая, отвоевывающая себе место у хлебной культуры, мало продуктивной по климатическим условиям внутренних областей Малой Азии, безводных и бедных осадками, где только на хорошо орошаемых склонах гор имеются удобные для культуры земли¹⁾. Ограниченность этих последних на известной степени хозяйственного развития должна была толкать к переходу на более выгодные, чем хлебные, культуры и к продвижению в хлеботородные области; ближайшими были области между Средиземным морем у теперешней Александретты и Евфратом, где и обрзовались новые провинции хеттского царства, завоеванные хеттским оружием. Главнейшей целью было, конечно, завоевание плодороднейшего Дамасского оазиса; но и по дороге

¹⁾ Процесс, сходный с тем, какой наблюдается в Сеннааре в последние два-три века перед Хаммураби, когда культура финиковой пальмы вытесняет полевою культуру; ср. особенно Sch e il „De l'exploitation des dattiers dans l'ancienne Babylonie“. „Revue d'Assyriologie“ 1913, I — II.

к нему были заняты хорошо орошаемые и плодородные области, именно долина между теперешним Морашем и устьем Оронта, где теперь находится знаменитое Сенджирли¹⁾, и долина самого Оронта, где хетты утвердились в Хамате.

На этой основе строится и социальная структура хеттского общества. На первом месте стоят военно-служилые люди, те самые, которые владеют в Хатти полями и садами и завоевывают для себя хлеб на Оронте. Они — в центре внимания хеттского законодательства; им даются лишние права и льготы. Это, однако, не феодалы, а именно военно-служилые люди, аналогичные ридсабэ и баиру кодекса Хаммураби, и если их, как и их собратьев с Евфрата, немецкие ассириологи называют ленниками, то этот термин по отношению к ним никак нельзя понимать в смысле строгого феодализма. Лучше всего их можно было бы назвать русским термином помещные люди, так как их земельные владения совершенно аналогичны старомосковским поместьям.

Военно-служилые люди делятся на две категории, которые не вполне удачно названы немецкими переводчиками одна — *Waffenmänner* и другая — *Lehnmänner*. Служба у тех и других одинакова, называется одним и тем же термином, который передается через нем. *Waffenamt*; точно так же и землепользование тех и других неразрывно связано с военной службой — земля ленника может перейти к воиннику, а земля воинника к леннику, но и в том и в другом случае с обязательством для правопреемника военной службы прежнего владельца (I, 41 и 42). Отсюда и та и другая категория военно-служилых людей может быть с одинаковым правом названа и *Waffenmänner* и *Lehnmänner*. Нам представляется, что разницу между этими двумя категориями надо искать в их подчинении высшей инстанции, наделяющей их и землей. Здесь разница действительно имеется; поле *Waffenmann*'а, если никто не берет его с обязательством военной службы, отходит к городу (I, 41), поле же *Lehnmann*'а в таком же случае отходит ко дворцу (I, 42). В первом случае военно-служилые люди связаны с городом, во втором — с дворцом, т. е. с царем, и эта разница сразу вскрывает, чем, собственно, так наз. *Waffenmänner* отличаются от *Lehnmänner*. Последние — помещные люди, дворяне в настоящем смысле этого слова; они несут службу, подобно „дворянам московским“, в городе Хатти и имеют земли в его округе (I, 56); они были освобождены царем от всяких

¹⁾ Ср. „Ausgrabungen in Sendschirli“, в „Mitteilungen aus den orientalischen Sammlungen der Königl. Museen zu Berlin“, Heft XII, S. 90.

повинностей¹⁾. Напротив, *Waffenmänner*—мелкие гарнизоны люди, в роде стрельцов; к их разряду надо отнести стрелков из лука и копейщиков (I, 55), они получали иногда участки в доле с другими *Gefolgsmänner* и при разделе обязаны были уделять последним 30⁰/₀ живого и мертвого инвентаря, так что в лице этих *Gefolgsmänner* (также неудачный термин) надо видеть самую низшую ступень военно-служилого класса²⁾. Эти городские военные люди раньше не платили царских³⁾ податей (I, 55), а теперь устанавливается для них обязательство нести повинности (I, 47); наоборот, царские ленники освобождаются от повинностей, если эта льгота была оговорена при пожаловании (I, 48а, ср. 46). Описанное различие по отношению к платежу повинностей еще более резко подчеркивает расстояние, лежащее между царскими и городскими военными людьми: первые—более крупные землевладельцы, более влиятельные, являющиеся к царю и требующие себе льгот; вторые—мелкие, иногда ведущие хозяйство сообща, вновь облагаются царскими повинностями, которых не несли раньше.

Была ли военная служба, а следовательно, и землевладение наследственными? Запись, в дошедшем до нас виде, не дает никакого ответа на этот вопрос; но ряд косвенных указаний позволяет нам ответить в утвердительном смысле. Прежде всего чрезвычайно важно разрешение продажи лена наряду с собственной землей, причем покупатель обязывается военной службой⁴⁾. Раз допущена продажа, то передача по наследству разумеется сама собой, и только этим можно объяснить появление в записи таких статей, как уже цитированные нами ст. I, 41—42. В этих последних речь идет, конечно, о выморочном владении, судьбу которого необходимо было урегулировать точными постановлениями закона; в самом деле, если у ленника оставался сын, годный к военной службе, то передача ему службы вместе с землей не требовала никаких разъяснений в законе. Характерно, что то же

1) § 56 вообще довольно темный, и поправки, внесенные в его толкование Фридрихом после Грозного, мало улучшают его понимание; не вносит особых поправок и Эбелинг (по его счету § 55). Смысл однако ясен: ленники гор. Хатти требуют свободы от повинностей и получают ее.

2) А. А. Захаров (ср. „Новый Восток“, статья проф. И. Н. Бороздина) передает немецкий термин *Gefolgsmann* через „оруженосец“.

3) В законе говорится просто „повинности“, но этот термин, когда не оговорено противного (ср. напр. I, 9), конечно, может относиться только к царским повинностям. Городские люди, несомненно, платили городские повинности, но о последних царскому закону говорить не приходилось, они были предметом частных договоров между городами и их людьми.

4) I, 48b: при покупке поля военного человека целиком повинности отбываются, частью—нет; но если поле приобретается „как военная служба“, т. е. связанное с военной службой, то повинности отбываются. Параграф не вполне ясный; однако вполне ясно противопоставление просто „поля“, т. е. собственной земли, полю, связанному со службой.

самое мы видим и в кодексе Хаммураби: он оговаривает только, как надо поступать, если сын умершего ленника еще малолетний (§ 29), разумея, очевидно, что если сын взрослый, то он без всяких формальностей вступает на место отца, подобно тому, как сын ленника, задержанного царем в другом месте, обязан управлять за отца леном во все время отсутствия отца (§ 28). Наконец, военно-служилые люди по хеттскому праву пользовались даже и такой льготой, которая безусловно запрещалась кодексом Хаммураби: они имели право на время похода нанимать заместителя¹⁾. Но история поместной службы в других странах показывает, что право продажи и право выставить заместителя никогда не предшествуют праву передачи по наследству; напротив, последнее, как само собою разумеющееся, устанавливается прежде всех других прав.

Среднее сословие, купечество, как мы видели, еще немногочисленно и не влиятельно; но, конечно, крупную по численности величину должны были представлять из себя низы общества, свободные и рабы. О свободных элементах общественных низов хеттское право, как и кодекс Хаммураби, говорит мало. О свободных крестьянах в записи, поскольку она сохранилась, нет совершенно речи; это, конечно, не означает, что их не было, так как, напр., в кодексе Хаммураби крестьяне не упоминаются, но их положение прекрасно известно нам из других документов. Молчание того и другого законодательства о крестьянах объясняется, конечно, прежде всего тем, что законодатели заняты в первую голову обеспечением интересов господствующих слоев, в Хатти — землевладельцев, в Вавилоне — землевладельцев и бюргерства. Поэтому в законодательстве внимание обращено лишь на те слои рабочей массы, которые приходили в непосредственное соприкосновение с господами — на наемных рабочих и рабов. Больше всего внимания уделено, конечно, последним, так как они, а не наемные рабочие, составляли на всем востоке постоянную рабочую силу²⁾. Положение рабов — сносное: их жизнь и здоровье защищены законом, так как это составляет прямой интерес их господ (I, 19—24); раб может жениться на свободной и рабыня может выйти замуж за свободного, и такие случаи, повидимому, были нередки, так как закон очень внимательно регулирует в этом случае взаимоотношения супругов, права родителей и судьбу детей в случае развода (I, 32—37). Все это указывает, что рабов немного и ими

¹⁾ I, 43; интересно, что заместителем могла быть и женщина, но в случае ее гибели на походе ее родным уплачивается только половинное вознаграждение сравнительно с мужчиной. Недаром греки считали, что в центре Малой Азии живут амазонки (ср. Захаров, „Хеттский вопрос“, „Новый восток“, I, стр. 254).

²⁾ Ср. Sch w e n t z e r, „Zum babylonischen W.rtschaftsleben“, 34—36.

дорожат; надо полагать, что, как и в других странах древности, это или военнопленные, или неоплатные должники, или люди, попавшие в рабство за вину своих родственников¹⁾. Свободные наемные рабочие также отмечены в кодексе, но им отведено меньше внимания. Их очевидно еще меньше, чем рабов; вероятно, как и в Вавилоне, сельскохозяйственные рабочие были сезонными, а постоянными рабочими были только ремесленники²⁾. Хеттское законодательство знает поденщиков (II, 39) и наемных ремесленников (II, 61; смысл § 62 неясен) и устанавливает таксу для оплаты их труда.

В общем социальная база хеттской державы — многочисленное и сильное военно-служилое сословие, опирающееся на землю, и притом не на натуральное, но уже на меновое сельское хозяйство, с значительным развитием садовых культур, работающих на рынок. Слабая сторона этой базы заключается в том, что она неоднородна этнографически. Мы уже видели, как подчеркивается этнографическая пестрота Малой Азии в хеттскую эпоху лингвистическими исследованиями; хеттское законодательство показывает, что этнографические различия были связаны также и различиями в праве. Как различны были языки страны Лувия и города Хатти, так различны были и правовые нормы, применявшиеся в этих соседних областях. Хатти имеет явное преимущество перед Лувией: если лувиец украдет раба из Хатти, то отвечает всем своим домом, если хаттиец украдет раба из Лувии, то дает только 6 голов (I, 19^a — 19^b); если при этом раб будет найден своим господином, то возвращается обратно, причем лувийский раб без всякого дополнительного вознаграждения (I, 21), а раб из Хатти еще со штрафом в 12 секелей (I, 20). Эти примеры, правда, касаются только рабов, но они именно этим и показательны: людская собственность, принадлежащая хеттскому рабовладельцу, строже охраняется, чем таковая же собственность лувийского рабовладельца. Сверх того, как мы видели, ленники города Хатти имели льготы также и по отношению к повинностям: в то время как они были избавлены от царских повинностей, военные люди семи других городов были ими обложены (I, 55—56). Вполне возможно, что и здесь речь идет о городах соседних этнических областей, подчиненных Хатти; если это так, то и в этом случае принадлежность к господствующей национальности была связана с определенными льготами. Но при этнической пестроте и правовом неравенстве мощь социальной базы не могла, конечно, достигнуть той

¹⁾ Таков, несомненно, смысл постановления, что за убийство выдается потерпевшим известное число голов (I, 1—4).

²⁾ Ср. Schwentzer, op. cit., 37—38.

монопольности, какую отличалось, например, ассирийское военное сословие. Результаты палицо: ассирийская держава «продержалась около 600 лет, а хеттская держава не просуществовала и трех веков. Конечно, этническая пестрота была не единственным фактором; действовали и другие, которые сейчас учесть вряд ли возможно; но этнический момент сыграл здесь, несомненно, далеко не последнюю роль.

Хеттская держава в XIII веке до Р. Х. распространилась на Сирию и северную Палестину; князья средней Палестины были связаны с хеттскими царями военными договорами, низводившими их на положение вассалов¹⁾. Политическая гегемония хеттов приводила к тому, что в Сирию и Палестину направилась значительная хеттская иммиграция, состоявшая, вероятно, по преимуществу из военных людей. Опорными пунктами для хеттской иммиграции были вновь основанные хеттами города, которые, как показывают раскопки в Сенджирли, были крепостями. Иммигранты оседали довольно крепко, и хеттские землевладельцы не исчезли из Сирии и Палестины даже и тогда, когда господство там перешло в руки совершенно иных народностей. Драгоценные сведения в этом отношении дают нам единогласно библейские книги и ассирийские надписи. Так, кн. Бытия (14, 6; 36, 20) сохранила драгоценное воспоминание о том, что ранее амореев в Палестине жили хориты (chori) — это народ чагги, один из народов страны хеттов, часто упоминающийся в документах Богаз-Кеоя. В эпоху Соломона существовали хеттские князья от Хамата до Кархемыша на Евфрате²⁾; ранее Соломона, при Давиде, мы встречаем в его свите до вступления на престол хеттеянина Ахимелеха (I Сам., 26, 6), а потом в эпоху царствования хеттеянина Уриу, мужа знаменитой Бат-Шеба (II Сам., 11, 3 и сл.³⁾. Хеттские иммигранты приходили в Сирию и Палестину, конечно, со своими правовыми обычаями; эти обычаи, правда, при столкновении с местным правом должны были видоизменяться и не могли прививаться целиком, но, тем не менее, они не могли остаться без влияния. И чрезвычайно любопытно отметить следы влияния хеттского законодательства в законодательстве Пятикнижия.

Со времени открытия кодекса Хаммураби вошло до известной степени в норму положение, что законодательство

¹⁾ Ср. Weidner, „Politische Dokumente aus Kleinasien“, №№ 4, 5 и 9.

²⁾ I Цар., 10, 29; их имена чисто хеттские — Лубарна, Каламму, Сапалумле, Ирхулини и др.; ср. Sanda, „Die Bücher der Könige“, V. I, стр. 295.

³⁾ О сильной хеттской иммиграции в Палестину свидетельствуют также известные слова пророка Иезекииля (16, 3): „Так говорит господь Изгве Иерусалиму: происхождение твое и рождение твое из земли Ханаанской; отец твой аморей и мать твоя хеттеянка“. (Ред.)

так называемой „Книги договора“ (Sepher habberith, Исх. 21—23) находится под влиянием вавилонского кодекса. Действительно, некоторые статьи этого отрывка древнейшей записи израильского права обнаруживают значительно сходство с соответствующими статьями кодекса Хаммураби, сходство притом такое, которое не может объясняться только тем, что при аналогичных условиях могут создаваться совершенно независимо и параллельно сходные обычаи и постановления. На этом наблюдении базировалось, между прочим, и положение панвавилонистов о всеобъемлющем, монополярном, влиянии вавилонской культуры. Появление хеттской записи права наносит новый удар этой теории, столько уже потерпевшей от ударов со стороны и ассириологов, и гебраистов, и исследователей античного мира.

Как известно, законодательный материал, содержащийся в средних книгах Пятикнижия (Исход, Левит и Числ) не представляет из себя чего-либо однородного. Это — пестрый клубок постановлений различного содержания и разновременного происхождения; сакральные обычаи примитивной древности стоят здесь рядом с обрядами второго храма, религиозно-обрядовые предписания чередуются с морально-религиозными заповедями и сентенциями, действовавшая норма переплетается с благим пожеланием. И в довершение всей пестроты, вначале, как главное содержание Синайского законодательства, поставлена названная выше „Книга договора“. И она не представляет из себя чего-либо единого: первая ее половина является отрывком записи древнейшего израильского права (21, 1; 22, 16), а вторая представляет из себя смесь сакральных предписаний с религиозными увещаниями в духе жреческой реформации VII века (22, 17—23, 33). Нас интересует здесь только первая половина, запись обычного права.

Вложенные в уста Моисея, постановления „Книги договора“ относятся, однако, к эпохе оседлости сынов Израиля в земле Ханаан, когда основным промыслом стало уже земледелие — хлебопашество и садоводство (22, 4—5), и когда уже существовал обмен на деньги (22, 6—7). В качестве рабочей силы, как везде на древнем востоке, фигурируют уже рабы (21, 2—10), причем различаются рабы еврейского происхождения от рабов-иноплеменников. Однако в обычных постановлениях „Книги договора“ есть и чрезвычайно архаические черты. Не считая общеизвестного „око за око, зуб за зуб“, удерживающегося еще и в гораздо более прогрессивном кодексе Хаммураби, надо указать на такое архаическое постановление, как предписание побивать камнями быка, забодавшего кого-либо до смерти (21, 28—32). Кодекс Хаммураби, как показывают соответствующие статьи (250—252), уже стоит за пределами того примитивного рели-

гиозного представления, которое лежит в основе постановления „Книги договора“, именно, что всякая загубленная жизнь требует отщипления и искупления. Учитывая эти характерные черты обычного права „Книги договора“, мы должны отнести его запись к ранней царской эпохе¹⁾. Но нет никакого сомнения в том, что многие постановления „Книги договора“ значительно древнее указанной даты, восходят к обычаям и нормам доизраильской, аморейско-хеттской эпохи, и были попросту усвоены сынами Израиля, когда последние завоевали Ханаан и стали там жить оседлою жизнью. К разряду таких постановлений относятся прежде всего все те статьи, которые обнаруживают сходство с соответствующими статьями кодекса Хаммураби; усвоение их должно относиться именно к аморейской эпохе, когда, как показывают эль-амарнский архив, написанный клинописью, и клинообразные договоры с палестинскими подписями, найденные при раскопках древнепалестинских городов, вавилонское влияние было чрезвычайно сильным. К тому же разряду надо отнести и те статьи „Книги договора“, которые являются результатом влияния хеттского кодекса.

Сходство некоторых постановлений Торы с хеттскими постановлениями было замечено уже переводчиком хеттских законов Циммерном, указавшим три таких случая; сверх того, Ирку (Jirku) в своем „Altorientalischer Kommentar zum Alten Testament“ ставит в параллель с хеттскими постановлениями ряд постановлений Торы. Однако, ни Циммерн, ни Ирку не входят в подробное исследование вопроса. Систематическому рассмотрению вопрос о влиянии хеттского права на израильское подвергнут лишь в работе Ring'a „Israels Rechtsleben im Lichte der neuentdeckten assyrischen und hethitischen Gesetzesurkunden“ (1926). Ринг приходит к выводу, что как ассирийское, так и хеттское право не оказали существенного влияния на израильское право. В частности, по вопросу о хеттском влиянии он указывает, что между хеттским и израильским правом, правда, есть некоторые отдельные черты сходства, но эти последние имеют совершенно ничтожное значение в сравнении с целым рядом моментов различий, и притом коренных, касающихся как состава, так и общих тенденций того и другого права. Ринг полагает, что положения хеттского и израильского права вырабатывались самостоятельно, и лишь некоторые правовые нормы могли быть заимствованы из одного и того же источника, откуда и появились черты сходства. Если Ринг и прав, полагая, что нормы хеттского и израильского законодатель-

¹⁾ Ср. подобные же постановления ранних греческих записей права, напр. в законах Дракона, которые предписывают сечь бревно, убившее своим падением человека, и заколоть быка, забодавшего на-смерть.

ства развивались отдельно и в эпохи хронологически различные, то вряд ли можно с ним согласиться, что израильские законодатели ничего не почерпнули из существовавших ранее и, несомненно, хорошо им известных хеттских норм: случаи подобного рода заимствований мы встречаем не раз в истории права; постатейное сравнение, которого Ринг не делает, откроет в этом отношении, как будет видно ниже, интересные явления. Также недостаточны сопоставления Ирку и Циммерна. Циммерн указывает действительно такие статьи израильского и хеттского законодательства, которые имеют между собою несомненное сходство, но упускает другие, не менее важные параллели; Ирку, к сожалению, рядом с указанием бесспорно схожих статей, делает не раз такие сопоставления, которые не обнаруживают действительно сходных черт. Так, постановление Исх. 21, 24—25, — глаз за глаз, зуб за зуб и т. д. — вообще не имеет параллели в хеттском праве, и приводимые здесь Ирку I. 7a и 8b говорят о денежном возмещении; Исх. 21, 26—27 постановляет, что за выбитый глаз или зуб раб отпускается на волю, в то время как Хетт. I, 8a устанавливает вообще за случай увечья раба денежный штраф. Исх. 22, 1—2 и Хетт. I, 97 и 98 имеют лишь сходство в том, что тут и там идет речь о воровстве, но случаи взяты совершенно различные. Исх. 22, 4 и хетт. I, 80, говорят о потраве поля скотом, но в то время как Исх. имеет в виду намеренную потраву и устанавливает тяжелый штраф („лучшее с поля“), хеттская статья говорит о случайной потраве зашедшим чужим волком и разрешает только хозяину пострадавшего поля в течение дня работать на этом воле. Повидимому, Ирку, делая такие сопоставления, хотел показать более мягкий характер постановлений Торы ¹⁾ и тем подчеркнуть ее преимущество — ему не чужды апологетические тенденции, — но привнесение этого чуждого научному исследованию момента, конечно, лишь обесценивает работу Ирку и заставляет относиться к ней с большой осторожностью.

Но самое существенное замечание заключается в том, что ни Циммерн, ни Ирку не поставили вопроса, чем в каждом данном случае объясняется сходство, параллельным ли возникновением на почве одинаковых хозяйственных и социальных условий или влиянием хеттского права на израильское. Между тем этот последний вопрос и является решающим; только тогда, когда мы установим с полной очевидностью, что те или иные статьи Торы заимствованы из хеттского права или составлены под его влиянием, мы можем судить о степени и важности хеттского влияния. Этот момент был

¹⁾ Ср., напр., замечания Ирку этого рода, S. 96 к Исх. 21, 24; 21, 26—27; S. 98 к Исх. 22, 15—16 и др.

упущен также и ассириологами при сравнении законодательства Торы с кодексом Хаммураби, и несомненно, что это упущение очень повредило убедительности их положений о силе вавилонского влияния в Библии.

Переходя теперь к рассмотрению сходных статей хеттской записи права и Торы, мы должны прежде всего выделить те постановления, сходство которых объясняется не заимствованием, но параллельным происхождением из одинаковых условий или по одинаковым поводам. Из уголовных постановлений тут прежде всего надо отметить статью, карающую штрафом за причинение беременной женщине выкидыша вследствие удара (Исх. 21, 22—23 и Хетт. I, 17—18). При известном различии в деталях (по хеттской статье величина штрафа зависит от срока выкидыша, и карается лишь выкидыш на 6 или 9 месяце — т. е. когда плод уже может быть жизнеспособен, по Исх. — карается всякий выкидыш, и размер штрафа назначается мужем пострадавшей) сущность постановлений одинакова; но здесь, конечно, не может быть никакой речи о заимствовании, так как подобного рода постановления типичны для целого ряда разнообразных кодексов: мы встречаем их и в кодексе Хаммураби (§§ 209, 210), в сумерийских законах (I, § 1—2), в ассирийском праве (§ 21) и в *Lex Salica* (XXIV, 4) ¹⁾. Далее имеется несколько сходных уголовных постановлений, карающих запрещенные случаи полового соития: с матерью (Лев. 20, 11 = Хетт. II, 75а), с невесткой или дочерью (Лев. 18, 15; 20, 12 = Хетт. II, 75b), с животными (Исх. 21, 18; Лев. 18, 23; 20, 15—16 = Хетт. II, 73, 74, 85). Кровосмешение и скотоложство одинаково караются смертью; но тут также нельзя видеть заимствования. Понятие кровосмешения вырабатывается постепенно, в процессе образования патриархальной семьи, со строгим брачным уставом; раз оно появилось, то появляется и соответствующая правовая норма, конечно, везде более или менее одинаковая, так как обычное право почти не знает других наказаний, кроме смерти и штрафа. Скотоложство карается не везде, но в праве очень многих народов; однако и в данном случае не приходится говорить о заимствовании, так как хеттские постановления и постановления Торы существенным образом различны в определении запрещаемого деяния. Именно, Тора запрещает всякое скотоложство, независимо от породы скота; хеттское право карает лишь скотоложство с быком (?), свиньей, собакой и еще каким-то животным, название которого

¹⁾ Ср. также *Lex Salica*, XXIV, 3; законодательство это позднее развивается в королевских капитуляриях (ср. I, 4—11). Аналогичные статьи есть и в других германских правах: *Lex Ribuar.* XXXVIII (XXXVI), 10—11; *Lex Alemannorum* XCI; *Lex Baiwar.* XIX—XX; *Lex Wisigothor.* I. VI, Tit. III, 2.

не расшифровано (§ 74). Различие можно объяснять, правда, только редакционными моментами — тем, что редакция Торы обобщенная, а хеттская редакция казуальная, применительно к наиболее частым случаям; но надо заметить, что как раз в этом случае возможно толкование, что хеттское право запрещало скотоложство именно только с определенными породами животных, так как запрещение конкретных случаев скотоложства, подобно запрещению употреблять в пищу мясо некоторых животных, может являться пережитком тотемизма. Наконец, последний пример сходных постановлений, независимых друг от друга, это — постановление о левирате (Второз., 25, 5 и Хетт. II, 79); аналогичные постановления встречаются и в законах Ману, а также в быту ливанских друзов, у некоторых арабских племен ¹⁾ и у других малокультурных народов, и, следовательно, мы имеем здесь дело с широко распространенным институтом родового права.

Таким образом, указанные случаи являются примерами не заимствования или влияния, а параллельного происхождения. Другие случаи сходных статей, напротив, по самому своему характеру и содержанию относятся к примерам заимствования или влияния; их необходимо рассмотреть подробно, и каждую статью в отдельности ²⁾.

Первое постановление такого рода — Исх. 21, 18 — 19, имеющее поразительное сходство с Хетт. I, 10:

Исх. 21, 18 — 19: Если поспорят мужи, и ударит один другого камнем или лопатой (мотыгой) ³⁾, и тот не умрет, но сляжет, и если потом встанет и будет ходить вне дома с посохом своим, то ударивший свободен (от наказания), но должен дать за (время) лежания и вылечить (т. е. заплатить врачу).

Хетт. I, 10 ⁴⁾: Если кто обидит человека, нанесет ему вред и делает его неработоспособным, [повергнет его на ложе болезни], то должен он дать на его место другого человека, и этот работает в его доме, пока тот выздоровеет; когда он выздоровеет, то должен он уплатить ему 6 секелей и также должен заплатить вознаграждение врачу.

¹⁾ Ср. Мегх, „Die Bücher Mosis und Josua“, S. 67.

²⁾ Переводы из Торы сделаны мною с подлинника, переводы хеттских статей — по переводу Циммерна-Фридриха, с добавлением в некоторых случаях [в квадратных скобках] толкований Эбелинга.

³⁾ Слово 'egroph у LXX переведено $\mu\alpha\tau\upsilon\eta$ — кулак, применительно к новоевр.; однако таргумы дают иное толкование, причем, например, перевод Иерус. таргума — marthoda — дубина, таргума Онкелоса — kirmeza — глыба земли расходящаяся. Отсюда попытки дать новое толкование „'egroph“. Из них вероятнее всего толкование, данное в тексте. (Ср. Holzinger, „Exodus“, S. 85).

⁴⁾ По переводу, исправленному в „Nachtrag“ Фридриха.

Прежде всего необходимо отметить, что подобного рода статьи, регулирующие вознаграждение за вред или увечье, идут обычно на смену простому талиону, который иной раз удерживается в законе наряду с новым постановлением, как это имеет место в „Книге договора“ и в кодексе Хаммураби. Отличие новых норм от талиона заключается, главным образом, в том, что на место права мести выступает хозяйственный расчет: вознаградить за ущерб, нанесенный раной или увечьем. Обычно это вознаграждение высчитывается в какой-либо круглой сумме, которая иногда варьируется в зависимости от характера раны или увечья ¹⁾, иногда одинакова во всех случаях ²⁾; изредка добавляется еще деталь — обязанность ответчика уплачивать определенную сумму за лечение ³⁾. Кодекс Хаммураби странным образом почти не разрабатывает этого вопроса и наряду с талионом дает только одно постановление (§ 206) относительно нечаянного нанесения раны: ранивший должен дать клятву, что ранил нечаянно, и платит только врачу. Хеттская и израильская записи идут в этом вопросе много дальше других ранних записей права и дают сравнительно тонкую разработку случая. На первом плане — возмещение хозяйственного ущерба; но оно определяется не грубо, на-глаз, а совершенно точно. Хеттская статья требует поставить заместителя раненому на все время болезни; израильская статья требует уплатить за все время лежания, т. е. не определенную, заранее фиксированную сумму, а сколько придется по расчету, причем расчет должен основываться, конечно, на стоимости труда заместителя. Другими словами, израильская статья делает следующий шаг вперед по сравнению с хеттской: там заместитель ставится персонально, здесь дается денежный эквивалент, который должен быть установлен, очевидно, судом. Далее, позднейший характер израильской статьи обнаруживается из того, что, согласно ее тексту, ответчик освобожден от штрафа, как меры наказания; в хеттской статье, напротив, штраф в этом смысле еще фигурирует, но его ничтожные размеры — всего 6 селелей — показывают, что он уже потерял свое значение и остался второстепенным придатком; в израильской статье он отпал совсем. Отсюда очевидно, что израильская статья есть не что иное, как модификация хеттской статьи. Если бы израильский обычай развился самостоятельно из талиона, то мы имели бы в этом случае простое установление штрафа; но поскольку израильская статья перескакивает через про-

1) Так в *Lex Salica*, XVII (de vulneribus).

2) Ср., напр., „Русскую Правду“, по Троицк. сп., 23—25, везде 3 гривны.

3) В *Lex Salica* из 9 статей только в одной (XVII, 4), в „Русской Правде“ из трех статей также только в одной (24).

стой штраф к детализации, сходной с хеттской, развивая притом еще далее хеттские нормы, и совпадает даже в деталях выражений (ср. вариант Эбелинга), мы должны признать, что в этом случае перед нами прямое заимствование из хеттского права.

Второе постановление — Исх. 22, 5, сходное с II, 6 хеттского кодекса.

Исх., 22, 5: Если выйдет огонь и достигнет живой ограды¹⁾, и будут пожраны скирды хлеба, или хлеб на корню, или поле, то зажегший пожар должен возместить сожженное.

Хетт. II, 6²⁾: Если кто пустит огонь на свое поле и допустит его на (другое) поле с урожаем, то должен зажегший огонь взять сожженное поле и дать за то владельцу поля хорошее поле и должен также его заново обсадить [обводнить].

Дело идет об осеннем выжигании поля, вероятно, парового, с тем, чтобы уничтожить сорные травы и одновременно посредством полученной от выжигания золы удобрить поле под новый посев. При известной неосторожности огонь мог перейти на соседнее чужое поле, с неснятым еще урожаем, и тогда виновный должен возместить убыток. При сличении хеттской и израильской статей также обнаруживается, несмотря на некоторую сбивчивость еврейского текста что израильская статья является дальнейшим развитием хеттской. Хеттское постановление говорит только об общем случае поджога чужого поля; израильская статья уже предусматривает ряд возможных вариантов: хлеб может быть снят с корня, но еще не свезен, хлеб может быть еще не снят, наконец, поджог может распространяться не только на хлебное поле, но и на всякое другое — под огородом или под лугом³⁾. Способ возмещения по хеттской статье натуральный: взамен сожженного поля виновник дает свое „хорошее“ поле, т. е. поле с неснятым урожаем. Ясно, что при таком решении могут встретиться всякие затруднения: как, напр., поступать, если у виновного нет другого подходящего поля? Израильская статья и здесь, как в предшествующем примере, дает решение в общей форме: виновный обязан возместить сожженное, а способ, очевидно, может быть выбран наиболее подходящий в каждом данном случае. С другой стороны, нельзя считать эту статью чисто израиль-

¹⁾ „Qoçim“ собствен. терновник (пустыни), сорные травы; здесь, как в евр. Сирах. 28, 24, надо разуметь живую изгородь из терновника, отделяющую одно поле от другого. Некоторые предлагают конъектуру граница.

²⁾ Принята во внимание поправка в „Nachtrag“.

³⁾ Конечно, где здесь в общем смысле всякого поля.

ской по происхождению. Приемы земледельческой культуры были заимствованы сынами Израиля от их предшественников в Палестине, амореев, но и эти последние пришли также из степи и заимствовали приемы земледельческой культуры от своих предшественников и соседей. А наиболее влиятельными соседями и предшественниками и с политической и с культурной стороны были для амореев хориты и хетты. От них и был заимствован описанный в статье способ выжигания и удобрения полей; от амореев он перешел к израильтянам, а вместе с тем был усвоен и хеттский обычай обеспечения чужих полей на случай нечаянного поджога.

Третье постановление, останавливающее на себе наше внимание, касается ответственности за пропажу чужого скота:

Исх. 22, 9 — 12: (9). Если кто отдаст под охрану ближнего своего осла или быка, или мелкое животное (*še*) или другую какую скотину, и животное поколеет, или будет разорвано, или будет уведено, и не будет очевидца, (10) то принести им между собою клятву перед Иагве, что не простирает он (хранитель) руки на собственность ближнего своего, и тогда возьмет владелец потерю (на себя). (11) А если животное было украдено, то платит он владельцу возмещение; (12) если оно было растерзано, то должен он принести доказательство; за растерзанное не платит он возмещения.

Хетт. I, 76 (Эб. 75): Если кто возьмет для запряжки вола, коня, мула, осла, и животное поколеет, или волк его сожрет, то должен он дать владельцу возмещение [его в целости]; но если он скажет: „от руки бога оно умерло“, то должен он дать в этом клятву.

С первого взгляда статьи трактуют о разных случаях; израильская об ответственности пастуха, хеттская — об ответственности нанимателя упряжного скота. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается сходство санкций, которое не может быть случайным. Прежде всего совершенно очевидно, что израильская статья является соединением, при этом механическим, двух разных редакций постановления. Ст. 9 и 10 — более ранняя редакция, которая разрешает дело судом Божиим: виновность или невинность

пастуха в потере удостоверяется клятвой перед Иагве, и в этом случае возмещение не уплачивается; отсюда разумеется, что при отказе от клятвы пастух должен платить возмещение. Возможно, что в первоначальной редакции статьи это прямо оговаривалось, но при соединении с новой редакцией оговорка была выпущена. Новая редакция, ст. 11 — 12, более поздняя; она говорит о тех же случаях кражи или растерзания зверем, но устанавливает другой порядок. Клятва совершенно отсутствует; за украденное животное пастух обязан дать возмещение — разумеется, что кража всегда по вине его недосмотра; а за растерзанное он не платит, но должен принести доказательство — кость или кусок шерсти или шкуры, который ему удастся отнять в борьбе с животным (ср. Амос, 3,12). Ясно, что здесь противопоставляется различие двух эпох — более ранней, когда увод скота мог иметь место со стороны кочевых разбойников, в борьбе с которыми отдельный пастух был бессилён, и более поздней, когда кочевники были замиренны; такое же различие видно и по отношению к характеру доказательств — суд божий феодальной эпохи в первой редакции и фактическое законодательство пророческой эпохи во второй редакции. Статья в первой редакции по характеру требуемых доказательств и по санкциям обнаруживает полное сходство с хеттской. Хеттская статья устанавливает за пропажу и растерзание скота возмещение, натурой, если принять толкование Эбелинга (т. е. вола за вола, осла за осла и т. д.); но возмещение не платится, если наниматель даёт клятву, что животное погибло от „руки бога“, т. е. без его, нанимателя, вины. Мы полагаем, что здесь имело место применение хеттской нормы по отношению к израильскому пастуху. В кочевую эпоху не было наемных пастухов, ответственных за порученный им скот; такие появляются только при оседлом и притом крупном хозяйстве. Их ответственность нужно было оформить; для этого была взята готовая хеттская норма. Позднее, в связи с разложением феодального строя и феодального суда, норма изменилась, и новая редакция заменяет собой старую; но составители кн. Исход, вовсе не ставившие себе, конечно, задач кодификации, соединили обе редакции вместе. Любопытно отметить, что трактующие о том же статьи кодекса Хаммураби (§§ 263, 266, 267, 244) подробно детализируют как различные случаи потери, так и размер возмещения, а также случаи, когда возмещение не имеет места; но вместе с тем они сохраняют и клятву пастуха, когда скот пропал вследствие несчастного случая или нападения льва. Однако характер детализации и систематичность статей кодекса Хаммураби составляют слишком резкую разницу их с постановлениями кн. Исх., чтобы можно было говорить о заимствовании из кодекса Хаммураби.

Следующие постановления, или скорее группа постановлений, — это Исх. 21, 37 и 22, 3, сходные также с группой хеттской записи I, 58—71. Эта группа хеттских статей трактует о покражах крупного и мелкого скота, причем возмещение за кражу детализуется в зависимости от породы скота, пола, возраста, назначения в хозяйстве (вьючный вол, бык, упряжная лошадь, верховая лошадь, просто овца или свинья, или матка и т. д.). Ст. 58—70 в одной редакции устанавливают, что за покражу головы определенного рода скота уплачивается определенное количество голов того же рода скота, от пятнадцатикратного количества (за взрослого быка или верхового коня) до пятикратного (почти по всем другим категориям). Ст. 71 прибавляет: „если кто украдет быка, или коня, или мула, или осла, и владелец его разыщет, то берет он его себе, и сверх того укравший должен ему дать еще три (головы)“¹⁾; т. е. в первом случае (ст. 58—70) разумеется, что при изобличении вора украденного скота уже не оказалось, что считается отягчающим вину обстоятельством. Сопоставим теперь с хеттскими статьями статьи израильского кодекса. Они гласят²⁾:

Исх. 21, 37: если кто украдет быка или овцу и заколет его или продаст его, должен дать пять быков за быка и четыре овцы за овцу.

Исх. 22, 3: если украденное, бык ли, осел ли, овца ли, будет найдено у него живым, он возмещает вдвойне.

Ясно, что теперешний текст „Книги договора“ утратил постановления о размере штрафа за покражу осла, если осел не найден живым у вора; возможно, что были также установлены особые размеры штрафа за покражу других родов скота (напр., коровы, теленка или телки и т. д.). Но и при этом дефекте текста все-таки бросается в глаза сходство израильских и хеттских постановлений. Первая характерная черта—это уравнение штрафа, если украденный скот найден в целости; различные размеры штрафа устанавливаются только в случае окончательной пропажи украденного. Вторая характерная черта—это возмещение натурой и в многократном размере; ни здесь, ни там денежное возмещение не допускается. С другой стороны, в израильской версии обнаруживаются опять-таки черты большей

¹⁾ По варианту, предпочитаемому Эбллинггом (Эб. 70), — две головы.

²⁾ Текст Исх. гл. 21—22 в общем дошел до нас в большом беспорядке: в частности, конец 21-й и начало 22 главы потерпели ряд перестановок стихов, перебивающих последовательность постановлений. Исх. 21,37 и 22,3 первоначально должны были стоять рядом; но теперь они разделены другими статьями, устанавливающими, в каком случае убийство вора, застигнутого на месте преступления, не является запрещенным пролитием крови, и в каком случае является; конец 22,2 о продаже вора в рабство при несостоятельности следовало бы поставить после 22,3.

ясности и точности в формулировке. Как мы видели, хеттские статьи только разумеют, но не высказывают прямо, что различные коэффициенты штрафов назначаются в том случае, когда у вора не будет найдено похищенное, и лишь заключительная статья группы, 71-я, заставляет дать такое толкование предшествующим статьям. Израильская формулировка сразу ставит вопрос ясно: „если заколет его или продаст его“. Таким образом, и здесь налицо те же характерные признаки, которые мы отметили в предшествующих примерах. Основываясь на этих признаках, мы считаем и эти статьи возникшими под хеттским влиянием; тут имел место тот же процесс усвоения норм, охраняющих оседлое скотоводство, какой мы отметили по отношению к ответственности пастуха за вверенный ему скот. Характерно, что покража быка карается выше, чем покража овцы — признак земледельческой эпохи, когда бык расценивался не только как источник для продуктов потребления, но и как рабочий скот; поэтому он дороже.

Сверх этих образцов, взятых непосредственно из „Книги договора“, необходимо указать еще на одно постановление Второзакония, перешедшее туда, несомненно, из „Книги договора“, которая перед составителями Второзакония лежала в полном своем виде. Как давно уже доказано, Второзаконие в целом ряде случаев рецепирует или изменяет постановления „Книги договора“, применяясь к изменившимся условиям жизни; но некоторые постановления оно повторяет почти без изменения ¹⁾. Отсюда совершенно очевидно, что самым главным, если не единственным законодательным документом, которым пользовались составители Второзакония, была „Книга договора“. К этому старому материалу прибавлено было много новелл; но, конечно, далеко не весь тот материал, который составляет исключительную принадлежность современного Второзакония, относится к разряду новелл; напротив, все то, от чего веет духом более ранних эпох и чему чужды специфические тенденции Второзакония, мы должны считать также рецепцией из древнейших записей права. Таким постановлением является, между прочим, и статья Второз. 22, 23 — 27, сходная с Хетт. II, 83 ²⁾:

Второз. 22, 23 — 27: Если будет невинная девушка (па'ага bethula) обручена мужу, и встретит ее кто-либо в городе и ляжет с нею,

Хетт. II, 83: Если мужчина овладеет женщиной в горах, то это преступление только мужчины, и он должен умереть; но если он

¹⁾ Ср. напр. Bertholet, „Deuteronomium“, XIV—XV.

²⁾ Нельзя не отметить, что Эбеллинг в своем переводе, назначенном прежде всего для библистов, пропускает эту статью.

то вывести их обоих к воротам города того и побить их камнями до смерти, девушку — за то, что она не кричала в городе, а его — за то, что он осквернил жену ближнего своего: так истреби ты злое из среды своей. А если в поле встретит кто-либо девушку обрученную и силою овладеет ею и ляжет с нею, то умереть только тому, кто лежал с нею, а девушке не делать этого, нет на девушке смертной вины, ибо случай этот таков, как если кто напал на ближнего своего и убил душу его; ибо в поле настиг он ее, и (хоть) кричала бы девушка обрученная, но не было спасителя ей.

овладел ею в доме, то и женщина преступна, и она должна умереть. Если муж обоих настигнет и убьет, то против него уголовного преследования нет.

Постановление Второзакония отмечено всеми характерными чертами позднейшей редакционной обработки: мы видим здесь не только закон, но и его толкование, разъяснение, почему в первом случае виновны оба, а во втором только мужчина. Именно это обстоятельство и показывает, что тут реципировано старое постановление, которое с точки зрения иудейских законников VII века уже нуждалось в специальных разъяснениях. Если мы откинем эти разъяснения, то остается текст, сходный с текстом хеттской статьи по своей основной идее, но различный в некоторых деталях. Такая деталь, как способ казни, интересна, поскольку она указывает на древность статьи: побитие камнями сравнительно с повешением на дереве для Палестины более древний способ казни. Важнее другая деталь: в хеттской статье говорится о мужчине и женщине вообще и только предусматривается один индивидуальный случай, когда на месте преступления застигнет свою жену муж; в израильском постановлении дело идет специально об обрученной девушке, притом невинной, и другими статьями предусматривается, что если изнасилована необрученная, то мужчина платит штраф и обязан на ней жениться (Второз., 22, 28 — 29), и что замужняя женщина и мужчина, совершивший с нею прелюбодеяние, во всяком случае приговариваются к смерти (Второз., 22, 22); при этом первое постановление, об изнасиловании или лишении невинности необрученной девушки,

рецепировано во Второзаконии из „Книги договора“. Таким образом, перед нами опять-таки дальнейшее развитие нормы хеттского права. Надо полагать, что в „Книге договора“ фигурировала статья об изнасиловании в общей форме, как это имеет место в хеттской статье, и была прибавлена лишь оговорка относительно случая с необрученной девушкой, так как и по смыслу хеттской статьи карается смертью, конечно, не потеря невинности, как таковая, а нарушение верности жениху или мужу. Позднее, после издания „Книги договора“, израильское право пошло дальше и усилило репрессию за нарушение супружеской верности, независимо от обстоятельств дела; применение хеттской статьи еще более сузилось и уцелело лишь по отношению к обрученной невесте, которой закон счел возможным в известном случае дать снисхождение, поскольку она еще не стала собственностью своего мужа. В пользу заимствования из хеттского права здесь говорят совершенно специфические детали относительно места, где совершается преступление: они настолько характерны, что не может быть никакой речи о параллельном, независимом происхождении.

Таковы следы влияния хеттского права в законодательстве Пятикнижия, которые возможно установить уже теперь, хотя мы еще не имеем полного и надежного истолкования всего текста записи хеттских законов. Однако и то, что может быть указано, чрезвычайно важно, как показатель наличия серьезного и широкого влияния хеттской культуры в Палестине и Сирии. Тем самым ставится на очередь новая проблема в хеттском вопросе, еще почти не затронутая исследованием. Ассириологи, захватившие пока в свои руки монополию на изучение хеттской культуры, в первую голову поспешили установить зависимость ее от вавилонской культуры. Не отрицая нисколько вавилонского влияния, выразившегося и в системе письма, и может быть, в некоторых нормах права, и в религиозных верованиях, мы, однако, должны сказать, что хеттская культура была также и самостоятельным культурным фактором, оказавшим большое влияние на культуру не только подчиненных хеттам народностей, но даже и не подчиненных— ведь проник же в Египет после столкновения с хеттами культ хеттской богини Кедеш!

Проф. Н. М. Никольский.